

Нити любви

Р О М А Н Ы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т в я н а
Т Р О Н И Н А

В и ш н и
д л я М а р и и

МОСКВА
2022

УДК821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Редактор серии *А. Самофалова*

Дизайн обложки *Е. Куликовой*

В коллаже на обложке использованы:
фотография © Africa Studio / Shutterstock.com
и иллюстрация © Kaidash / Shutterstock.com.
Используются по лицензии от Shutterstock.com.

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Вишни для Марии : [роман] / Татьяна Тренина. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-157546-5

Марию нельзя назвать безгрешной, ведь ее любовник — женатый человек, у него трое детей, и совершенно ясно, что он никогда не разрушит семью. Их связь напоминает мед и длится словно по инерции, а Мария все больше чувствует себя мухой, попавшей в блюдечко с липким десертом. Но однажды в поселке появляется новый человек — хозяин вишневого сада, расположенного по соседству с домиком Марии, — и непростая, но налаженная вроде бы жизнь молодой женщины стремительно меняется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157546-5

© Тренина Т., 2022
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2022

Марию разбудил какой-то неясный, едва слышный монотонный шорох, источник которого находился именно тут, в комнате... Он слышался явственно, хотя за приоткрытыми окнами звучала целая какофония звуков, сплетенных из собачьего лая, людских голосов, велосипедного перезвона, стрекотания кузнечиков и еще какого-то отдаленного, мрачного гудения — наверное, от пролетающих в небе самолетов...

По утрам в поселке всегда было довольно шумно, но то — шум привычный, незаметный.

Сейчас же недовольная, некстати разбуженная Мария открыла глаза, сощурилась от ослепительно-белого света, пробивающегося сквозь легкую кисею, и увидела бабочку.

Это бабочка билась в окно, рвалась на волю, то замирая, то вновь принимаясь колотиться о прозрачную преграду.

Глупая бабочка. Неужели так и не догадалась, что все ее попытки пробить стекло обречены на провал? Что надо отлететь в сторону — и лишь тогда можно оказаться на свободе, вырвавшись сквозь оконную щель?

Нет. Бьется и бьется, трепыхается и трепыхается, рвется вперед, не жалея своих красивых крылышек...

С ощущением раздражения и одновременно жалости Мария вскочила, сдвинула кисейную занавеску и распахнула окно шире... Бабочка еще раз метнулась туда-сюда, а потом упорхнула наружу, в мир — к солнцу и цветам.

«А Костик-то где?» — спохватилась Мария.

И словно в ответ — в глубине дома засвистел чайник, зазвенела посуда. А еще через несколько мгновений из кухни потянуло сильным ароматом настоящего, свежесваренного кофе. Мария не любила настоящий кофе, любила только его запах. От самого напитка у нее сжимался желудок, горечь подкатывала к горлу...

Она пила растворимый, когда оставалась одна, от растворимого ее организм не бунтовал, и молодая женщина была вполне довольна жизнью.

Но Костик считал растворимый кофе — помоями, а тех, кто его пьет, — плебеями. Мария с ним не спорила, терпеливо поглощала то, что готовил ее возлюбленный.

Еще бы ей протестовать! Костик покупал где-то в Москве, в каких-то тайных местах, известных лишь гурманам, необыкновенные и редкие сорта кофе, привозил его Марии, сам варил, приносил ей в постель...

Ах, ну да. Мария юркнула обратно под одеяло. И вовремя — через минуту распахнулась дверь, в комнату торжественно вплыл Костик с подносом.

— Все-таки проснулась? — ласково спросил он. — Ну, с добрым утром, Мари.

Он всегда называл ее Мари. И Марии это нравилось. Не «киса» и не «зая», а что-то такое, изящное, с французским подтекстом... Молодая женщина улыбнулась. Костик поставил ей на колени поднос с маленькой фарфоровой чашечкой. Мария отпила кофе — словно чернил хлебнула. Но виду не подавала.

— Вкусно? — спросил Костик. — Это какой-то вьетнамский новый сорт.

— Немного непривычно... — осторожно заметила Мария.

— Вот, ты тоже это почувствовала! — обрадовался тот. — Такой горьковатый, глубокий, насыщенный...

Он стоял и любовался, как Мария пьет кофе.

И она тоже вдруг забыла о том, что не любит этот напиток, гораздо важнее была ее любовь к этому мужчине.

Потом, за те четыре года, что они встречались, от Костика она видела только хорошее. Очень ласковый, очень нежный и добрый мужчина. Он не был способен ни на гадость, ни на грубость.

Поначалу, при первой встрече, Костик показался Марии — нет, не некрасивым (она не делила людей на некрасивых и красивых), а скорее смешным. Невысокий, худенький, но притом — с небольшим «животиком», с круглыми, близко посаженными к переносице, темными глазами на круглом же лице, стриженными волосами, торчащими вверх. Очень

энергичный и разговорчивый. Воробышек. Воробей-воробышка, забавный и милый мужчина, ничуть не напоминающий героя-любownika.

Лишь потом, привыкнув к Костику, Мария уже не находила в нем никаких недостатков. Он же сразу, с ходу стал относиться к Марии как к принцессе, необыкновенному ангелу, неземному созданию. Он поклонялся ей, он постоянно делал какие-то приятные мелочи, от которых у Марии становилось тепло на душе.

А душа-то — она важнее желудка.

Костик все стоял и смотрел на нее, как-то уж слишком печально, ласково смотрел.

— Ты опять уезжаешь? — догадалась Мария, проглотив последнюю капельку черной, горькой жидкости.

— Ага, — сокрушенно кивнул Костик. — Прямо сейчас. Отдел еще в одном торговом центре открываем, в Химках.

— О, поздравляю!

— Спасибо. Вот уж не думал, что наш бизнес окажется таким выгодным... Будем, кстати, продавать новый сорт сыра, ничем не хуже хваленых зарубежных.

— Торопись! Погоди, я сделаю тебе завтрак, — вскочила Мария, накинула на себя халат, тоже подарок Костика — шелковый, легкий, яркий. — До Москвы четыре часа ехать, а то и пять! Ты же не станешь в какой-нибудь придорожной забегаловке есть.

— Омлетик хочу, — застенчиво признался возлюбленный. — Обожаю твои омлетики. С помидорками и зеленью.

— Конечно-конечно, с помидорками и зеленью...

Быстро, минут за пять, Мария приготовила завтрак — для своего любимого и для себя.

Костик с аппетитом проглотил омлет, допил все то, что оставалось еще в турке, а затем, вздохнув, поцеловал Марию на прощание и выскользнул из задней двери дома, ведущей во внутренний дворик. Она же наблюдала за возлюбленным из окна... Как Костик отворяет калитку в заборе, высунул голову наружу и замер на некоторое время. И только убедившись, что никто за ним не наблюдает, поблизости нет гуляющих (в негустой роще за калиткой или за рощей, в поле), Костик исчез целиком...

После его ухода Марии стало грустно.

Она вернулась на кухню, развела в чашке своего обычного, растворимого кофе (надо же залить этот пожар, бушевавший в желудке!) и включила переносной телевизор.

Выступал какой-то мужчина в белом халате — пожилой, восточного вида, с красивыми, четкими, словно нарисованными бровями. Внизу экрана надпись: «Профессор Балкисан И. А.»

«...В основе этого препарата — кортизол. Но я не стану загружать вас, дорогие телезрители, медицинскими терминами и всеми теми биохимическими процессами, которые происходят в нашем организ-

ме. Скажу коротко — все те эмоции, которые нами владеют, это результат выброса гормонов. Выбрасывается в кровь один гормон — мы испытываем страх. Другой — радость и удовольствие... И так далее. А что, если изобрести препарат, который устранял бы негативные эмоции, которые нами подчас владеют, и добавил бы м-м... ощущение счастья? Да, да, ощущение счастья — это тоже результат действия определенных гормонов. Конечно, счастьем обычно «накрывает» после каких-либо приятных событий, а можно ли стать счастливым, не прилагая к тому особых усилий? Можно. Но! — профессор Балкисан загадочно улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы, контрастирующие с его смуглым лицом. — Все те средства, которые могут, хе-хе... привести нас в состояние эйфории — как лекарственные, так и, скажем, народные... я, конечно, имею в виду алкоголь, о каких-либо наркотических веществах даже упоминать не хочу... Так вот, все те химические средства, что могут повысить нам настроение, обычно имеют множество побочных эффектов. Существует ли она, идеальная таблетка счастья?»

— Надо же... — заинтересованно пробормотала Мария. — Таблетка счастья? Как просто...

«Да, — царственно кивнул ей с экрана профессор Балкисан. — В лаборатории под моим руководством было изобретено вещество, способное повысить настроение, и без какого-либо побочного действия. Но, разумеется, если у вас нет аллергии на какой-либо из его компонентов. Я так и назвал

это лекарство — «Таблетка счастья». И у нее нет каких-либо противопоказаний. Совсем скоро, после клинических испытаний (а они уже почти завершены), таблетку запустят в производство. Но, разумеется, прежде чем принимать это лекарство, лучше сначала проконсультироваться с врачом. И еще надо помнить, что чуда тоже не случится. Таблетка не решит ваших проблем. Но она придаст хорошего настроения. Оптимизма. Нет, вы не испытаете бурной радости и безумной эйфории. Просто у вас исчезнут мрачные мысли, тоска, вы почувствуете прилив сил — для того, чтобы потом спокойно решить все ваши проблемы...»

Мария с интересом слушала профессора, изобретшего столь полезное лекарство. С одной стороны, она верила в силу науки, с другой... «Ну ясное же дело, на таких таблетках можно обогатиться. И название подходящее... Очень удачный маркетинговый ход! Интересно, а я — счастлива? Мне нужна эта таблетка?»

Мария потянулась, прислушалась к себе. Вроде все хорошо, нигде не болит, не ноет. Она здорова — молодая, тридцатичетырехлетняя женщина. Нет, девушка, мысленно поправила она себя. В этом возрасте в наше время спокойно можно называться девушкой. А еще она — красивая. Не красавица, но именно что — красивая, и этот факт признавали все окружающие, как мужчины, так и женщины. Из несомненных достоинств — тонкая талия и грива темных вьющихся волос. К тому же Мария умная.

Образованная. Да, пусть и не совсем реализованная... Диплом исторического факультета МГУ, а работает сейчас учительницей в сельской школе. Но зато — на природе, среди чудесных людей, дети ее любят. Она живет в собственном доме! Да, возможно, кому-то для счастья нужна Москва, но она, Мария, нахлебалась этой Москвы по самое горло...

Здесь, в Дербенево, реально, по-настоящему хорошо. Свежий воздух, здоровые продукты. Денег маловато? Но для нее, именно для нее, Марии, деньги несущественны.

Любовь?... Любовь у нее тоже есть. В лице Костики.

У нее все есть. И значит, она счастлива. Счастлива без всяких таблеток.

...Мария спустилась с другого крыльца, которое называла в шутку «парадным» (оно выходило в сторону улицы), закружилась на траве, пытаясь усилить ощущение счастья. Закрыла глаза, потянула ладони к горячему июльскому солнцу, словно пытаясь вобрать в себя всю его силу. Но до конца почему-то так и не почувствовала себя счастливой. Словно что-то мешало.

Кружась, чуть не споткнулась, засмеялась смущенно. «А вот возьму и пойду сейчас на речку, не стану ничего делать! Каникулы у меня!»

Слева, за высоким сплошным забором, были видны верхушки вишен, усыпанных темно-пунцовыми, крупными ягодами. Там, на соседнем участке (владелец его пропадал годами где-то, Мария и не помни-

ла, не знала его), так вот, на этом огромном участке раскинулся вишневый сад. Настоящий, чеховский. Роскошный. Уже немного запущенный, конечно, хотя сторож сада, Ахмед, и пытался там навести порядок.

Именно эти вишни за соседним забором являлись предметом зависти Марии. Ну как зависти? Так, легкого сожаления... У Марии-то вишни не росли.

«Ну вот, я поняла — для полного счастья мне не хватает этих вишен в своем саду!» — догадалась молодая женщина.

Напротив Марии, чуть левее через дорогу, находился дом Ксении Рожкиной, дачницы. Зимой Рожкина жила в Москве, а все теплое время года проводила здесь. Не работала, жила на те деньги, что получала от сдачи двух квартир. Одна досталась Ксении Рожкиной от родителей мужа, ныне покойного, другая — от какой-то дальней родни. В Москве, в третьей квартире, жили дети Рожкиной, уже взрослые — именно туда она сама уезжала «зимовать».

Чуть правее располагался дом Нелли Ласунской. Была Нелли того же возраста, что и ее соседка Рожкина — лет этак сорока пяти. Тоже вдова, взрослые дети в Москве, а сама Ласунская — только наездами там... Но в отличие от Рожкиной Нелли Ласунская работала редактором в крупном издательстве. Постоянно с папками бумаг под мышкой, в очках с толстыми стеклами, сдвинутыми на кончик носа, бегала она от станции к дому... Нелли откровенно презирала «бездельницу» Рожкину, хотя то и дело «стреляла» деньги у соседки-рантье.

Мария вышла из своей калитки на улицу. Нелли Ласунская маячила здесь, рядом, — за невысоким штакетником торопливо обирала малину на своем участке и тут же забрасывала ягоды себе в рот. Невысокая, пухлая, с коротко стриженными непокорными волосами белого цвета, в круглых очках — Нелли, несмотря на вполне зрелые годы, видом своим напоминала сердитую девочку детского возраста.

— Доброе утро! — поздоровалась Мария.

— Привет. Ты куда? — добродушно, но с каким-то скрытым вызовом спросила Ласунская.

— На речку. Вот решила искупаться. — Мария покрутила в воздухе полотенцем.

— Маш...

— Да?

— Поди сюда, — нетерпеливо позвала соседка. Мария приблизилась. — Это, конечно, совсем не мое дело, и я не любительница сплетни собирать в отличие от нашей мадам Рожкиной... — Ласунская с брезгливостью покосилась на соседний участок бездельницы-рантье. — Но ты не думай. Люди давно все видят, все знают. Это большой грех.

Сердце у Марии сжалось. Она поняла, на что намекает соседка.

— Я знаю, что грех, — покорно кивнула Мария.

— Ты думаешь, никто не видит, как он пробирается вечерами к тебе, а утром сбегает? Костя твой... Да вся деревня видит.

— Так уж и вся...

— Маш, это тебе не Москва, там хоть на глазах убивать будут — никто и не почешется. А это закрытое, обособленное пространство — Дербенево наше...

— И как быть? — устало, уже полностью растеряв то ощущение счастья, которое охватывало ее недавно, спросила Мария. Вопрос чисто риторический, но, похоже, Нелли Ласунская знала на него ответ.

— Это совсем не мое дело, но ты должна с ним расстаться. С купчишкой этим твоим...

В Дербенево Костика, владельца сыродельного завода, располагавшегося на той стороне реки, на отшибе, за глаза называли «купцом».

— Он женатый человек! — подняв палец, грозно прошептала Ласунская. — У него трое детей. Трое!

— Я знаю.

— Да что ты все заладила — «я знаю», «я знаю»... Рви с ним, и поскорее. Представь, что станет с его женой, когда ей какие-нибудь добрые люди о тебе доложат?

— Да кто ей о Машке доложит? — раздался неожиданно другой женский голос. Это была Ксения Рожкина — та, что жила левее. Она тихо подкралась к забору и теперь, пробравшись сквозь заросли своего малинника, подключилась к разговору Нелли и Марии.

Ксения Рожкина являлась полной противоположностью Нелли Ласунской. Ухоженная, стильная, статная дама, без намека на суетливость. Всегда прекрасно, по-городскому одетая (никаких там резиновых галош и шерстяных кофт).

— Ксюша, ты... — наморщила носик Ласунская. — Неприлично так подкрадываться.

— Неприлично лезть в чужую жизнь, — парировала Рожкина. — Кто расскажет жене Кости о Маше? Жена Кости, как ее там... Людмила, что ли? Так вот, Людмила сюда сроду не ездила. Она в Москве сколько лет уже живет с детьми.

— Вот именно, с детьми! — взвилась Ласунская. — Дети, бедные дети! Людмила с ними там надрывается, значит...

— А почему сразу бедные? Почему надрывается? Эта Людмила как сыр в масле катается... в буквальном смысле причем. Ее супруг неплохие деньги получает со своего сыродельного заводика, чего ей жаловаться?

— А ты, Ксюша, опять все деньгами меряешь, да? — язвительно спросила Ласунская и пальцем, испачканным малиной, поправила очки, сползшие на кончик носа.

— А ты, Нелечка, все морали читаешь, — парировала Рожкина. — Сама не живешь и другим не даешь. Маш, а ты не вздумай с Костиком расставаться. Если у вас любовь, то вы имеете полное право на счастье.

— А дети?! Как Костик может бросить родных детей? Троих?! — Ласунская даже побагровела от возмущения.

— А они сейчас как будто часто его видят. И почему «бросить»? Бросают — это когда без денег и без помощи оставляют. Можно оставаться хорошим

отцом, не состоя в браке с матерью своих детей. Вон, посмотри на этого товарища... — Рожкина показала на пропитого, в грязной одежде мужика, который, пошатываясь, брел по дороге. — Шляется тут который день, попрошайничает. Наверняка у него есть где-то дети! И вот он им действительно не помогает, он их бросил.

— Ладно, пойду, — вздохнула Мария.

Рожкина и Ласунская не заметили ее ухода, продолжили словесную пикировку. Уходя, Мария еще долго слышала их голоса.

Ни на ту, ни на другую соседку Мария не обижалась. В сущности, обе они сейчас озвучили все те сомнения, которые мучили молодую женщину на протяжении последних четырех лет. Да, Костик — женатый человек. Отец троих детей — семнадцати, пятнадцати и тринадцати лет. То есть детей, находящихся в самом сложном, переходном возрасте.

Причем Мария с самого начала знала, что ее возлюбленный несвободен, и не собиралась с ним связываться. Это ведь и правда грех. Это нехорошо, недостойно современной, самодостаточной женщины — затевать роман с женатым.

Но как-то так получилось, что они стали встречаться с Кости́ком. Словно сама судьба вела Марию, а не она распоряжалась своей жизнью. Возможно, все дело в одиночестве молодой еще женщины, в ее желании чувствовать себя нужной и любимой. Получать, хоть украдкой, кусочек своего счастья. Иначе без любви и жить незачем...

Ну да, они сошлись — Костик и Мария, именно тогда, когда Мария потеряла там, в Москве, всё, буквально всё, и поселилась в этой деревне окончательно.

Первая зима в Дербенево — бесконечная, с ранними сумерками, холодная, тяжелая. Марии, городскому, столичному человеку, пришлось сразу окунуться в совершенно другую среду — с паровыми котлами, замерзающими трубами, туалетом на улице; пришлось смириться с отсутствием ванны...

А она привыкла к столице, к вечерним прогулкам по центральным улицам, к походам в театр или на выставку, привыкла, что все ее проблемы быстро и сразу же решаются: коммунальные службы чинят трубы, латают дыры в крыше, чистят тротуары, сажают цветы на клумбах... Заболеешь — примчится «Скорая», влезут в дом грабители — можно вызывать полицейских.

Тут же, в Дербенево, одна надежда — на себя. Самой все делать, лично договариваться с людьми, чья помощь может тебе понадобиться...

Это все, конечно, не смертельно, и никакая не трагедия. Трагедия — это когда ночуешь под мостом, или когда становишься инвалидом. Или дети рождаются больными... Или умирает кто-то, кого любишь больше жизни.

А то, что произошло с ней, с Марией, — это не трагедия. Это просто драма. Мария жива, здорова (опять же, не надо фельдшерицу из соседнего села вызывать), молода, красива, у нее имеется собствен-

ное жилье, у нее есть работа, у нее даже возлюбленный в наличии!

— Я счастлива, я счастлива... — бормотала она себе под нос, пока шла к реке.

У реки народу было немного. Аня Соломина, ученица Марии, с какими-то девчонками («Здрасть, Марь Иванна!» — «Здравствуй, Анечка!»), двое мужиков с обгоревшими на солнце красными шеями сосредоточенно пили пиво из бутылок, и где-то вдалеке — компания с шашлыками, музыкой, приехавшая на машине.

Мария постелила полотенце на землю, заколола тяжелые волосы на затылке, сбросила с себя платье и сразу же по песчаному берегу, цепляясь за корни деревьев, спустилась в воду. Осторожно, чтобы опять же не споткнуться о какую-нибудь корягу, сделала несколько шагов вперед и поплыла.

Вода — теплая, непрозрачная, но довольно чистая. Несколько взмахов руками — и вот ты уже на середине реки. Тут расслабляться нельзя — течение сильное, того и гляди унесет, возвращайся потом.

Молодая женщина плавала и думала о том, что хорошо бы превратить эти мгновения в вечность. Это небо, это солнце, это лето... Пусть лето не закончится никогда.

Наконец, вдоволь наплескавшись, Мария повернула к берегу. Быстро вытерлась полотенцем, натянула платье и пошла прочь. Кто-то из той компании, что на машине, засвистел ей вслед. Но Мария даже головы не повернула.

Полдень. Неистово стрекотали кузнечики в высокой, пожелтевшей траве. Прожужжала пчела рядом. Мария от нее отмахнулась. Вот только что, когда вышла из воды, было прохладно, свежо, а сейчас солнце обжигает открытые плечи.

Когда она шла по улице, что вела к ее дому, надеялась — Ласунская с Рожкиной уже исчезли. Но нет, две закадычные подруги-врагини по-прежнему стояли все там же, у штакетника, разделявшего их участки. А неподалеку, у обочины, — автомобиль с откидным верхом. В нем сидел один из дачников — длинноволосый мужчина средних лет, Мария не помнила его имени, и они, все втроем, что-то оживленно обсуждали.

— Маш... Маша, поди сюда скорее! — опять замахала руками Ласунская.

Мария была вынуждена подойти.

— Ты в курсе, что твой сосед скоро приезжает? — спросила Рожкина.

— Какой сосед?

— Да тот, что слева... Владелец вишневого сада!

— А... Но я его ни разу не видела. Откуда мне знать. С Ахмедом не говорю... — пожала она плечами.

Ахмед, как упоминалось, — сторож того самого вишневого сада. Всегда злой, мрачный старик. С Машей он даже не здоровался.

— Ахмед, значит, не родственник владельца? Он действительно сторож? — с интересом спросил мужчина в кабриолете.